

Лея Вестова

РАЗВОД

Мой главный рецепт

Месть

Лея Вестова

**Развод. Мой главный
рецепт – месть**

«Автор»

2026

Вестова Л.

Развод. Мой главный рецепт – месть / Л. Вестова — «Автор»,
2026

— Света, день просто кошмарный! — сетовала она. — Утром кофе опрокинула на блузку! Новую, дорогущую! В ее досаде слышалась искренняя растерянность, и я едва сдержала улыбку. Вселенная порой обладает тонким чувством иронии. Особенно когда кто-то очень осторожно ослабляет крышку кофеварки в офисной кухне, ровно настолько, чтобы от малейшего неосторожного движения она открылась, выплеснув содержимое на безупречную блузку безупречной любовницы моего мужа. — И вся неделя наперекосяк! Вчера ручка в сумке потекла, документы испортила! А сегодня проснулась, лицо в прыщах, как у подростка! — Ирин, а ты не думаешь, что это... ну, Татьяна Александровна о вас с шефом узнала? — Эта клуша? — фыркнула Ирина, и в ее голосе был такой концентрат презрения, что у меня перехватило дыхание. — Света, да что ты! Она только о своих колбасках думает. Вечно в цехе копается, в жиру и специях. Да она не заметит, если Гена домой в женском платье придет!

© Вестова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лея Вестова

Развод. Мой главный рецепт – месть

Глава 1

Я шла по гулкому коридору завода, направляясь в комнату отдыха для сотрудников. Когда услышала звонкий голос Ирины.

– Света, день просто кошмарный! – сетовала она. – Утром кофе опрокинула на блузку! Новую, дорогущую!

В ее досаде слышалась искренняя растерянность, и я едва сдержала улыбку. Вселенная порой обладает тонким чувством иронии. Особенно когда кто-то очень осторожно ослабляет крышку кофеварки в офисной кухне, ровно настолько, чтобы от малейшего неосторожного движения она открылась, выплеснув содержимое на безупречную блузку безупречной любовницы моего мужа.

– А потом мою машину эвакуатор увез! – продолжала Ирина, и в ее возмущении звучала неподдельная обида судьбы. – Пришлось такси вызывать. На встречу опоздала, Геннадий Юрьевич так сердился...

Ирина каждое утро парковалась на месте для инвалидов – привилегия особого статуса, знак того, что она считала себя избранной. Двадцать свободных мест на гостевой стоянке, но ей нужно было именно у входа. Один звонок в ГИБДД с точным описанием нарушения, и справедливость восторжествовала. Я даже представила ее лицо в момент, когда она увидела пустое место – те драгоценные секунды растерянности, когда реальность не соответствует ожиданиям.

– И вся неделя наперекосяк! – продолжала она свою литанию несчастий. – Вчера ручка в сумке потекла, документы испортила! А сегодня проснулась – лицо в прыщах, как у подростка!

Света обеспокоенно, как верная подруга, проговорила:

– Ирин, а ты не думаешь, что это... ну, Татьяна Александровна о вас с шефом узнала?

– Эта клуша? – фыркнула Ирина, и в ее голосе был такой концентрат презрения, что у меня перехватило дыхание. – Света, да что ты! Она только о своих колбасках думает. Вечно в цехе копается, в жиру и специях. Да она не заметит, если Гена домой в женском платье придет!

Обе расхохотались – звонко, беззаботно, как смеются над чем-то абсолютно ничтожным.

Клуша. Слово ударило меня, как физический удар. Эта тридцатилетняя девчонка, которая полгода назад не отличала сервелат от салами, называет меня клушей. Меня, которая двадцать восемь лет назад взяла пустой, брошенный цех и превратила его в то, что стоит сегодня. Которая собственными руками устанавливала первые коптильни, когда у нас не было денег на рабочих. Которая сама разъезжала по поставщикам, сама находила покупателей, сама стояла у станков, когда кто-то болел.

Которая знает каждого работника не просто по имени, а по жизни – у кого дети учатся, кому помогала в трудные времена, кто как относится к работе. Я построила этот завод не просто мозолями на руках и бессонными ночами, а кровью и потом, вложив в него каждую частицу себя.

Я невольно посмотрела на свои руки – те самые, что сжимались сейчас в кулаки от бесильной ярости. Короткие ногти без намека на маникюр, кожа, в которую вьелся запах чеснока и паприки – запах честной работы. Это были руки мастера, руки создателя. А у нее – нежные пальчики с идеальным французским маникюром, золотые колечки, аромат дорогих духов, перебивающий все живые запахи вокруг.

Я ждала, пока голоса стихнут, пока услышу удаляющиеся шаги по коридору. Только тогда позволила себе выдохнуть – долго, медленно, выпуская накопившееся напряжение.

Ручка. Самая дешевая шариковая ручка. У них стержни иногда текут, производственный брак, от которого не застрахован никто. Ее я незаметно бросила в Ирину сумочку, когда она, как всегда, небрежно оставила ее на столе в приемной. Среди россыпи косметичек, кредитных карт и прочей мелочи никто бы не заметил еще одну ручку.

И термальная вода в изящном флаконе, которым она опрыскивала лицо по пять раз в день, ритуал красоты и самолюбования. Флакон стоял на том же столе, где и сумочка, в полной уверенности хозяйки в собственной неприкосновенности. Всего несколько капель глицерина, введенных тончайшей иглой через клапан распылителя. Глицерин безвреден – его используют в косметике повсеместно. Но в концентрированном виде он забивает поры. Результат не заставил себя ждать.

Мелочно? Недостойно взрослой женщины? Возможно. Но было радостно представлять, как она каждое утро стоит перед зеркалом, старательно замазывая предательские прыщики тональным кремом, теряя ту безукоризненность, которой так гордилась...

О связи между моим мужем и Ириной я знала уже три, а может, четыре месяца. Сначала просто чувствовала – тем шестым чувством, которым природа наделила женщин. Геннадий начал задерживаться на работе без видимых причин. Появились загадочные «важные встречи» по выходным. Телефон он стал убирать подальше от моих глаз, а когда я заходила в его кабинет, торопливо закрывал документы на компьютере.

Окончательную точку в моих подозрениях поставил счет из спа-отеля, тот самый документ, который разрушил последние иллюзии. Я всегда проверяла финансовые отчеты – это входило в мои священные обязанности как совладельца предприятия. Геннадий терпеть не мог эти проверки, раздраженно говорил, что я копаюсь в мелочах, не понимаю «большой картины».

А я нашла счет на сорок тысяч рублей с формулировкой: «Проведение бизнес-семинара для повышения квалификации». Но детализация рассказывала другую историю: «Номер люкс на двоих, романтический уикенд, шампанское и фрукты в номер». Даты точно совпадали с теми выходными, когда Геннадий якобы ездил на переговоры в областной центр.

Я помню тот момент с пронзительной ясностью. Сидела в своем маленьком кабинете рядом с цехом, смотрела на эти строчки, а за окном гудели вентиляторы холодильных камер, и воздух был пропитан ароматом копченого мяса – запахом моего мира, моей жизни. И этот счет был как плевок в лицо всему, что я считала священным.

Но слез не было. Не было истерики или сцен. Только странная пустота в груди и необычайная, почти болезненная ясность в голове. Двадцать пять лет брака. Дочь, которой я гордилась. Общее дело, которое мы строили вместе. И вот так – шампанское и экзотические фрукты в номере люкс для другой женщины.

В тот день что-то во мне изменилось навсегда. Не резко, не в один момент – постепенно, как скисает молоко в жару. Сначала кажется, что все как прежде, а потом понимаешь: оно уже другое, и пути назад нет.

Я стала наблюдателем в собственной жизни. Замечать детали, которые раньше пропускала. Ирина появилась у нас полгода назад – «менеджер по развитию бизнеса» с дипломом экономиста и грандиозными планами по модернизации нашего «устаревшего» предприятия. Геннадий сразу выделил ей отдельный кабинет, поручил «стратегическое планирование». А через два месяца начал задерживаться на работе.

Она красивая – я не настолько слепа, чтобы этого не замечать. Тонкая талия, длинные ноги, кожа, которой могли бы позавидовать девочки вдвое младше. В свои тридцать она выглядела на двадцать пять, а то и меньше. Я же каждое утро видела в зеркале женщину сорока восьми лет – морщинки у глаз, руки в мелких шрамах от производственных ножей, седину, которую приходилось все чаще закрашивать.

Но дело было не в красоте и не в возрасте. Дело было в том, что Ирина претендовала на мое место. И не только в постели – в бизнесе.

Последние два месяца я замечала тревожные признаки. Она слишком настойчиво спрашивала о поставщиках, с подозрительным интересом изучала договора с торговыми сетями, выводила секреты рецептур под видом «оптимизации производства». А на прошлой неделе я своими глазами видела, как она фотографировала документы на моем столе, делая вид, что снимает селфи, но направляя камеру на бумаги.

«Менеджер по развитию», разумеется.

Я развернулась и направилась в цех – в свое королевство, где воздух был густ от аромата тимьяна и черного перца, где машины работали в том ритме, который я им задала годами кропотливого труда. Где каждый сотрудник знал непреложную истину: что бы ни происходило в директорском кабинете, настоящая хозяйка здесь – это я.

Петрович, мой главный технолог, поднял седую голову, когда я вошла:

– Татьяна Александровна, партия «Охотничьих» готова. Попробуете?

Я взяла кусочек колбасы, и привычный ритуал дегустации успокоил меня. Правильный цвет, нужная консистенция, тот неповторимый вкус, который я оттачивала двадцать лет. Это был мой почерк, моя подпись в мире вкусов и ароматов.

– Отлично. Отправляйте.

Петрович кивнул и отошел к следующей партии. Пятнадцать лет он работал рядом со мной, знал свое дело лучше любого молодого «специалиста» с модным дипломом и революционными идеями.

А Ирина уже планировала его увольнение. Она деликатно намекала Геннадию, что предприятию нужны «свежие кадры», что старые работники «тормозят инновационное развитие». И мой муж кивал, потому что теперь каждое ее слово было для него истиной в последней инстанции.

Я устроилась за рабочим столом и открыла ноутбук. В папке с невинным названием «Личное» хранилось мое досье на них: фотографии счетов, аудиозаписи разговоров – диктофон в смартфоне оказался удивительно полезной функцией, – копии документов. Пока я просто собирала информацию, составляя картину происходящего, готовясь к тому, что казалось неизбежным.

Готовилась к войне.

Потому что чувствовала: скоро они перейдут от тайных маневров к открытым действиям. Ирина не собиралась довольствоваться ролью любовницы директора – она хотела большего, гораздо большего. А Геннадий, ослепленный страстью и лестью, готов был дать ей все, что она пожелает.

Но была одна вещь, которую мой дорогой муж в пылу романтических приключений, похоже, забыл. Этот завод принадлежал не только ему. У Геннадия было всего тридцать пять процентов акций. У меня – шестьдесят пять.

И за свои шестьдесят пять процентов, за каждый процент, заработанный потом и кровью, я готова была драться любыми доступными средствами.

Даже такими на первый взгляд детскими, как протекшая ручка и вызов эвакуатора. Это была лишь разминка, проверка их реакций. Пусть пока думают, что имеют дело с наивной «клушей», которая ничего не замечает, ничего не понимает, живет только своими колбасками и специями.

Очень скоро они узнают, на что способна эта клуша, когда ее загоняют в угол.

Глава 2

Прежде чем объявить эту войну, я прошла через три месяца ада. Три месяца пепла. Три месяца стерильной белизны, которая выжигала из памяти все другие цвета. Три месяца тишины, нарушаемой лишь писком медицинских приборов и шелестом крахмальных халатов. Три месяца, за которые мой мир, такой прочный, пахнувший дымом и специями, рассыпался в прах, а я этого даже не знала.

Все началось три месяца назад. Вторник. Я помню этот день до мельчайших деталей. Я была в своей стихии, в коптильном цеху, проверяя новую партию «Краковской». Воздух был густым и ароматным, пахло свежей ольховой щепой и тмином. Я помню, как провела пальцем по упругому, еще теплому батону колбасы, вдохнула знакомый с детства аромат. Этот запах был запахом дома, запахом успеха, запахом моей жизни. А потом мир качнулся.

Сначала легкое головокружение. Я списала это на усталость – последние недели были напряженными, мы готовили крупную поставку для федеральной сети. Я оперлась рукой о коптильный шкаф, стараясь унять тошноту. Густой, пряный воздух вдруг стал удушливым, тяжелым. Ноги стали ватными. Я еще успела подумать: «Надо выйти, подышать», – но тело уже не слушалось. Последнее, что я увидела – растерянное лицо Петровича, моего главного технолога. А потом – темнота.

Очнулась я уже в больнице. Первая мысль – абсурдная, деловая – «Кто проконтролирует посол? Сегодня должны были закладывать новую партию сервелата». А потом я увидела белый потолок с трещиной, похожей на карту неизвестной реки, почувствовала острый, бьющий в нос запах хлорки и услышала ровное, бездушное пиканье аппарата у кровати.

Двусторонняя пневмония с осложнениями. Сепсис. Слова врача звучали как приговор из чужого фильма. Я, которая за двадцать восемь лет на производстве не была на больничном дольше трех дней, которая считала себя сделанной из того же прочного материала, что и наши коптильные шкафы, оказалась прикованной к кровати, о Спутанная проводами и капельницами. Мое тело, такое сильное, такое привычное к нагрузкам, предало меня.

Геннадий приехал в тот же вечер. Он был в одном из своих безупречных костюмов, пахнувший дорогим парфюмом и успехом. Он принес огромный букет белых роз – безвкусный и неуместный в стерильной палате. Цветы пахли похоронами.

– Ну ты даешь, Тань, – сказал он, неловко поцеловав меня в лоб. Его губы были сухими и чужими. – Нашла время болеть. У нас же поставка на носу.

Он не спросил, как я себя чувствую. Он не взял меня за руку. Он сел на стул у кровати, достал телефон и начал что-то быстро печатать, хмурия брови. Он был здесь, в метре от меня, но мыслями – за сотни километров. Там, где решались «важные дела». А я, его жена, его партнер, была лишь досадной помехой. Проблемой, которую нужно было как-то решить, чтобы вернуться к нормальной жизни.

За три месяца моего заточения он был у меня раз десять. Каждый его визит был похож на предыдущий. Он приносил фрукты, которые я не могла есть, глянцевого журналы, которые я не могла читать. Он говорил о заводе. Не спрашивал моего совета, а жаловался.

– Представляешь, поставщики опять цены подняли! – говорил он, расхаживая по палате. – А Ирина предлагает гениальный ход – заключить долгосрочный контракт, зафиксировать цену. Умница, а не девчонка! Голова!

– Ирина? – переспросила я, и мой голос был слабым, как шелест сухих листьев.

– Ну да, наш новый менеджер. Я же тебе рассказывал. Она сейчас просто спасает ситуацию. Взяла на себя все переговоры. Я бы один не справился.

Я смотрела на него и не узнавала. Где был тот Гена, который двадцать лет назад держал меня за руку, когда я с температурой сорок лежала дома, и говорил: «Мы – команда, Танька.

Прорвемся»? Куда он делся? Этот холеный, уверенный в себе мужчина в дорогом костюме был мне чужим.

Единственным моим окном в мир были видеозвонки с Алиной. Моя девочка. Моя единственная отрада. Она жила в Германии уже пять лет, с мужем и двумя нашими внуками-близнецами, которым только-только исполнилось три. Видеть их смеющиеся лица на экране планшета было одновременно и счастьем, и пыткой.

– Мамочка, как ты? – спрашивала Алина, и в ее глазах стояла тревога. – Папа говорит, тебе лучше, но голос у тебя такой слабый...

– Все хорошо, доченька, – врала я. – Просто немного устала. Скоро буду как новенькая.

А потом на экране появлялись они. Мишка и Гришка. Два светловолосых ангела с моими глазами. Они махали мне пухлыми ручками, посылали воздушные поцелуи, что-то лопотали на смеси русского и немецкого.

– Баба! – кричал Мишка, тыкая пальчиком в экран. – Кода пиедешь?

И в этот момент мое сердце разрывалось на части. Я смотрела на них через холодное, бездушное стекло планшета, и не могла их обнять, не могла почувствовать их запах, не могла поцеловать их мягкие щечки. Это было невыносимо.

– Скоро, мои хорошие, – шептала я, и слезы текли по моим щекам. – Баба скоро приедет.

После этих звонков я долго лежала, отвернувшись к стене. Больничная палата казалась мне тюрьмой, а моя болезнь – приговором. Я была отрезана от всех, кого любила. От внуков. От дочери. И, как я тогда еще думала, от мужа.

Подозрения зародились не сразу. Сначала я списывала холодность Геннадия на стресс. Завод, моя болезнь – на него свалилось слишком много. Но потом случился один разговор. Он приехал ко мне в очередной раз, раздраженный и уставший.

– Опять проблемы? – спросила я.

– Не то слово! – отмахнулся он. – Петрович уперся рогом. Говорит, что новые консерванты, которые предлагает Ирина, испортят вкус «Докторской». Старый пень! Цепляется за свои допотопные ГОСТы, не понимает, что рынок требует других технологий!

– Но Петрович – лучший технолог в области, – возразила я. – Если он так говорит...

– Что он понимает! – перебил Геннадий. – Ирина договорилась с «МясоПромом» о поставках. Это же гигант! Они дают нам уникальные условия, а этот... тормозит процесс! Придется с ним что-то решать. Нам нужны люди, которые смотрят в будущее, а не в прошлое.

И в этот момент я впервые почувствовала настоящий, ледяной страх. Не за себя. За завод. Петрович был не просто сотрудником. Он был хранителем наших традиций, нашей души. Уволить его – означало вырвать сердце из нашего дела. И я поняла, что пока я лежу здесь, беспомощная и слабая, там, в моем мире, происходят необратимые, страшные изменения.

Я начала бороться. Не за жизнь – за возвращение. Каждый день был преодолением. Я заставляла себя есть безвкусную больничную кашу. Делала дыхательную гимнастику, преодолевая боль в легких. Училась заново ходить по больничному коридору, держась за стенку. Медсестры смотрели на меня с удивлением: «Татьяна Александровна, у вас невероятная воля к жизни». Они не знали, что мной движет не воля к жизни, а воля к борьбе. Я должна была вернуться. Вернуться и спасти то, что еще можно было спасти.

В день выписки Геннадий встретил меня у входа в больницу. Он снова был с цветами. И с той же фальшивой улыбкой на лице.

– Ну вот, – сказал он, открывая передо мной дверь машины. – Наконец-то ты дома. Все уже заждались. Особенно Ирина. Она так переживала за тебя.

Он говорил, а я смотрела на него и видела чужого человека. За эти три месяца он окончательно перешел на другую сторону. На ту, где были красивые, молодые «менеджеры по развитию», «гениальные» идеи и большие, легкие деньги. А я со своими «допотопными ГОСТами», со своими принципами и своей любовью к делу осталась в прошлом.

Мы ехали домой, и он без умолку рассказывал о том, как Ирина «спасла» завод. Как она нашла новых поставщиков, как «оптимизировала» расходы, как подготовила «прорывной» контракт с «МясоПромом».

– Ты будешь в восторге, Тань, – говорил он, не глядя на меня. – Это совершенно новый уровень. Мы выходим на федеральный рынок!

Я молчала и смотрела в окно. За ним проплывали знакомые улицы, дома, деревья. Но я видела их по-другому. Как будто пелена спала с моих глаз. Я видела мир таким, какой он есть – жестоким, прагматичным, где нет места сантиментам. Где больного и слабого сбрасывают со скалы, чтобы не мешал идти вперед.

Когда мы подъехали к заводу, я попросила его остановиться. Дым из труб наших коптилен поднимался в серое осеннее небо. Мой завод. Моя крепость. Мое поле боя.

– Я выйду здесь, – сказала я.

– Зачем? – удивился Геннадий. – Поехали домой, тебе нужно отдыхать.

– Я уже отдохнула, – ответила я, открывая дверь. – Пора возвращаться к работе.

Я вышла из машины и пошла к проходной, не оглядываясь. Я чувствовала на спине его удивленный, растерянный взгляд. Он еще не понял. Он все еще думал, что я – та слабая, больная женщина, которую он оставил три месяца назад. Он не знал, что из больницы вышла другая Татьяна. Закаленная болью. Заряженная яростью. И готовая к войне.

Глава 3

Возвращение на завод было подобно тому, как археолог впервые входит в разграбленную гробницу. Я стояла на проходной, все еще чувствуя слабость в ногах после трех месяцев больничного плена, и смотрела на знакомые кирпичные стены, на высокую трубу коптильного цеха, из которой по-прежнему валил густой дым. Мой завод. Дело всей моей жизни. Но что-то изменилось – не в архитектуре зданий, а в самом воздухе, который стал разреженным, чужим. Даже родной аромат копченостей и специй, всегда действовавший на меня как целительный бальзам, сегодня царапал горло острыми нотками тревоги.

Старый Семеныч на проходной вскочил при моем появлении, глаза его расширились от удивления.

– Татьяна Александровна! – в его голосе смешались радость встречи и какой-то неловкий испуг. – А нам сказали...

– Что сказали? – голос мой, ослабленный болезнью, прозвучал неожиданно твердо.

– Да так... что вы надолго в санаторий уехали, восстанавливаться... – он смутился, отводя глаза.

Значит, легенда уже была готова. Удобная версия для персонала: я слабая, надолго выбывшая из строя женщина, которая скоро вернется к делам. Очень продуманно.

Шла я по знакомой территории с трудом – ноги словно налились свинцом, в груди поднималась легкая одышка, напоминая, как близко к краю пропасти меня занесло. Но спину держала прямо, не показывая слабости. Чувствовала на себе взгляды, и каждый из них рассказывал свою историю. Рабочие старой закалки, те, кого я помнила еще мальчишками, кивали с робкой надеждой в глазах. Новые лица – а их оказалось неожиданно много – смотрели с холодным любопытством незнакомцев. Атмосфера густела от недомолвок и страхов. Мой завод, где когда-то царил дух почти семейного единства, превратился в поле битвы с невидимой, но четко осязаемой линией фронта.

Собственный кабинет встретил меня ударом в солнечное сплетение. Небольшое помещение, примыкающее к цеху, всегда было моим убежищем, местом, где я чувствовала себя настоящей хозяйкой. Теперь оно пахло дешевым освежителем с ароматом «морского бриза» – химическим, чужеродным запахом, оскорблявшим нос, привыкший к натуральным ароматам тимьяна и кориандра. На столе, где царил мой творческий беспорядок из технологических карт и образцов продукции, теперь красовались безвкусная вазочка с пластиковыми цветами и модный органайзер. Мой старый продавленный стул, который я упорно отказывалась менять, заменили хромированным креслом из каталога офисной мебели.

А в углу, словно приготовленные к вывозу, стояла картонная коробка с моими личными вещами: фотография Алины с внуками, керамическая кружка от коллектива, несколько любимых справочников по технологии мяса.

Это был тонкий, расчетливый удар по самому больному. Ирина не просто временно заняла мое рабочее место – она методично выжигала следы моего присутствия, превращая личное пространство в безликий офис. Я взяла пластиковые цветы и, не раздумывая, отправила их в мусорную корзину. Фотографию внуков вернула на место. Их улыбающиеся лица придали мне сил.

Следующим шагом должны были стать люди. Я направилась в технологический отдел – сердце производства, место рождения наших рецептур. Место, где всегда можно было найти Петровича.

Но его там не было.

За столом, который пятнадцать лет был завален справочниками ГОСТов и технологическими картами, сидел молодой человек в модной рубашке. Ноги закинул на стол, лениво листал что-то в смартфоне. Увидев меня, нехотя опустил ноги и окинул оценивающим взглядом.

– Вы что-то хотели?

В его тоне звучало легкое раздражение, как если бы его отвлекли от важного занятия.

– Семена Петровича ищу.

– А, Петровича. Так он уволен уже месяц как. За профнепригодность и халатность.

Слова обрушились на меня, как ледяная лавина. Петрович – уволен. За профнепригодность. Человек, который мог определить процент соли в фарше на вкус с точностью до десятых долей грамма. Лучший технолог в области. Это было не просто ложью – это было святотатством.

– Геннадий Юрьевич лично приказ подписывал, – добавил парень, снова уткнувшись в телефон. – Сказал, старик совсем крыша поехала, чуть партию сервелата на полмиллиона не угробил.

Гнев вскипел во мне, придавая силы ослабевшим ногам. Я развернулась и направилась в отдел кадров, не доверяя себе произнести хоть слово.

Но и там меня ждал удар. Вместо Анны Степановны, женщины редкой душевности, которая знала каждого сотрудника как родного, за столом сидела крашенная блондинка с хищным взглядом и алыми когтями вместо ногтей.

– С возвращением! – ее улыбка была такой же искусственной, как цветы в моем кабинете. – Как здоровье?

– Где Анна Степановна?

– Уволилась по собственному желанию. Место поближе к дому нашла.

– Покажите заявление. И приказ об увольнении Петровича.

– Это конфиденциальная информация, – проворковала Маргарита. – Личные дела...

– Я совладелец с долей шестьдесят пять процентов, – голос мой зазвенел от сдерживаемой ярости. – Имею право видеть любой документ на предприятии. Немедленно.

Документы рассказали свою печальную историю. Докладная на Петровича, написанная рукой Ирины. Обвинения в халатности, порче продукции, подписи "свидетелей" – того самого юнца и еще одного новичка. Все юридически безупречно. Заявление Анны Степановны "по собственному" – дрожащим, неуверенным почерком, так не похожим на ее обычный четкий стиль. Ее заставили. Выдавили. Сломали.

В этот момент в дверях появилась она. Ирина, в элегантном бежевом костюме, с идеальной прической, благоухающая дорогими духами. Увидев меня с документами, на лице ее промелькнула тень испуга, но тут же сменилась маской искреннего сочувствия.

– Татьяна Александровна! Как хорошо, что вы уже здесь! – она попыталась меня обнять, но я отступила на шаг. – Мы так переживали за ваше здоровье!

– Не хотели расстраивать вас неприятностями, пока болели, – продолжила она невозмутимо. – Геннадий Юрьевич взял все на себя. Пришлось принять сложные кадровые решения, но это было необходимо для блага компании.

Для блага компании. Она стояла передо мной, разрушившая жизни двух честных людей, и говорила о благе.

– Понятно, – только и сказала я, закрывая папки.

В своем оскверненном кабинете я рухнула на чужое кресло. Опустошение было абсолютным. За три месяца они выжгли все вокруг меня, создали вакуум, уничтожили мою команду. Я осталась генералом без армии на вражеской территории.

Руки сами потянулись к телефону. Алина. Нужно было услышать родной голос, убедиться, что в этом мире есть хоть кто-то на моей стороне.

Она ответила сразу, и на экране появилось встревоженное лицо дочери.

– Мама! Как дела? Что там происходит?

Я рассказала все. Про Петровича, про Анну Степановну, про Ирину, хозяйничающую в моем кабинете. Говорила, и голос предательски дрожал – не от жалости к себе, а от бессильной ярости.

Лицо Алины становилось все суровее. Она была похожа на меня в молодости – такая же бескомпромиссная, не терпящая несправедливости.

– Мама, – голос ее был твердым, как сталь. – Это война. Они ударили в спину, пока ты была беспомощна. Ты не можешь оставить это так.

– Что я могу? Я одна против всех.

– Ты не одна! – горячо возразила она. – У тебя есть я. И шестьдесят пять процентов! Это твой завод, не его! Ты его создала! Борись, мама! Слышишь? Борись!

Слова дочери подействовали, как ушат ледяной воды. Слезы высохли мгновенно. Какое право я имела раскисать? За мной стояло дело всей жизни, память родителей, будущее внуков.

– Спасибо, доченька. Ты права. Буду бороться.

Когда я положила трубку, во мне уже жила другая женщина. Отчаяние ушло, на его место пришла холодная, звенящая решимость. Они думали, что сломали меня? Считали, что ослабленная болезнью и одиночеством, я сдамся без боя?

Они еще не знали, на что способна загнанная в угол волчица, защищающая свою территорию. Даже если от всей стаи осталась только она одна.

Глава 4

Звонок внутреннего телефона разорвал тишину моего кабинета, как выстрел в ночи. Я вздрогнула, отрываясь от технологической карты новой партии сервелата – единственной работы, которая еще приносила мне покой в этом изменившемся до неузнаваемости мире.

– Татьяна Александровна, – прощепетала в трубку секретарша Леночка, – Геннадий Юрьевич просит срочно зайти. У него важная информация по развитию компании.

«Развитие компании». Фраза прозвучала как издевка. За последние месяцы единственным развитием здесь стало методичное уничтожение всего, что я создавала десятилетиями. Я отложила ручку и медленно поднялась, чувствуя, как в груди разгорается знакомый холодный огонь гнева – мой постоянный спутник в этих стенах.

Путь в административное крыло, которое я теперь мысленно называла гадюшником, пролегал через коридоры, где каждая деталь кричала о чужом вкусе. Мои скромные фикусы в глиняных горшках заменили бездушными стеклянными вазами с искусственными орхидеями. Вместо репродукций Шишкина на стенах висели абстрактные полотна в хромированных рамах – холодные, агрессивные, лишённые всякого смысла. Ирининый «современный корпоративный стиль», который я считала торжеством дурновкусыя.

Когда я вошла в директорский кабинет, они уже ждали меня, восседая по одну сторону огромного стола из черного стекла, словно два монарха на троне. Геннадий в идеально скроенном темно-сером костюме, с самодовольной улыбкой, играющей на холёных губах. Ирина в белоснежном брючном костюме, превращавшем ее в хищную полярную лисицу. Они не скрывали близости – наоборот, демонстрировали ее как трофей. Геннадий положил руку поверх ее тонких пальцев, лежавших на стеклянной поверхности стола, и она что-то тихо шептала ему на ухо.

– А, Таня, заходи, располагайся, – вальяжно произнес муж, указывая на стул напротив. – Как раз тебя ждем. Серьезный разговор предстоит.

Я молча села, поставив сумку на пол. Атмосфера была как на допросе – двое следователей и обвиняемая в самом тяжком преступлении по их меркам: в нежелании плясать под чужую дудку.

– Татьяна Александровна, – начала Ирина медовым голосом, в котором, однако, явственно звенел металл, – последние месяцы мы с Геннадием Юрьевичем провели колоссальную аналитическую работу. Изучали рыночную ситуацию, финансовые показатели. И вынуждены констатировать печальные факты.

Щелчок пульта и на стене расцвел большой экран с диаграммой. Красная линия, символизирующая наши доходы, угрожающе сползала вниз, как змея в траве.

– Наша компания теряет позиции, – продолжала Ирина, поднявшись и подойдя к экрану с видом университетского профессора. – Рентабельность падает, себестоимость растет, ключевые клиенты сокращают закупки. Мы проигрываем конкуренцию.

Она говорила уверенно, жонглируя терминами – «маржинальность», «диверсификация», «оптимизация логистических процессов». Геннадий смотрел на нее с обожанием оракула, вещающего непреложные истины. А я рассматривала цифры и чувствовала, как внутри закипает ярость. Это была ложь – наглая, беспардонная, тщательно выстроенная ложь. Я знала реальные показатели наизусть. Да, были сезонные колебания, случались проблемы с поставщиками, но ни о каком катастрофическом падении речи не шло. Мы держались на плаву уверенно.

– Вот, – Ирина положила передо мной толстую папку с глянцевого обложкой, где золотыми буквами красовалось: «Финансовый анализ и стратегия развития. ООО «Ветровские деликатесы»». – Здесь все детально расписано. Графики, выкладки, прогнозы. Можете изучить на досуге.

Я открыла первую страницу. Цифры, таблицы, диаграммы – все выглядело солидно, профессионально выполнено. И все до единого символа было фальшивкой. Они сфабриковали отчеты, нарисовали картину тонущего корабля, чтобы затем явиться в роли спасителей.

– Понимаю, неприятно это слышать, Таня, – вмешался Геннадий голосом, полным притворного сочувствия. – Ты болела, не вникала в текущие дела... Ситуация действительно кри- тическая. Еще немного и пошли бы ко дну.

– Но, – Ирина выдержала театральную паузу, и глаза ее заблестели предвкушением три- умфа, – у нас есть решение. Спасательный круг. Предложение, от которого просто невозможно отказаться.

Новый щелчок пульта, и экран заполнил агрессивный логотип – хищные буквы «Мясо- Пром».

– Они вышли на нас сами, – с придыханием произнес Геннадий. – Крупнейший феде- ральный холдинг. Хотят сделать нас эксклюзивной производственной площадкой в регионе. Представляешь масштаб?

– Гарантированные объемы на пять лет вперед, – подхватила Ирина. – Полное обеспе- чение логистики и сбыта с их стороны. Нам остается только производить. Это стабильность, Татьяна Александровна. Это будущее.

Они говорили наперебой, расписывая сияющие перспективы. Федеральные сети, милли- онные контракты, революционные технологии. Два проповедника, обещающих рай на земле. А я видела перед собой мошенников, пытающихся продать билет на «Титаник».

– Что они требуют взамен? – спросила я, когда поток их красноречия иссяк.

– Сущие формальности, – небрежно отмахнулся Геннадий. – Небольшая гармонизация рецептур для соответствия их стандартам. Переход на их поставщиков сырья – у них же опто- вые цены, чистая выгода. И, естественно, контроль качества с их стороны.

Каждое слово было гвоздем в крышку гроба моего завода. «Гармонизация рецептур» означала убийство уникальных вкусов, которые я создавала годами. «Их поставщики» – пол- ную зависимость от чужой сырьевой базы. «Контроль качества» – передачу всех наших техно- логических секретов в чужие руки.

– Я против, – сказала я негромко, но так четко, чтобы каждое слово дошло до адресата.

Ирина улыбнулась победно, словно только этих слов и ждала. Геннадий потемнел лицом.

– Так и знал, что начнешь упираться, – в его голосе зазвучало нескрываемое раздраже- ние. – Таня, пойми наконец, это не предмет для дискуссий. Это единственный шанс на спасе- ние.

– Это не шанс, а удавка, – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – Они поглотят нас и даже не подавятся. Через год от «Ветровских деликатесов» останется только вывеска, а мы превратимся в штамповщиков их безвкусного суррогата.

– Эмоции! – вспыхнул Геннадий. – Ты мыслишь масштабами домохозяйки, а не стратега! Не видишь перспектив!

– Вижу перспективу стать рабами на собственной земле, – отрезала я. – Не подпишусь под этим.

И тут Геннадий нанес свой главный удар. Открыл портфель, извлек оттуда документ с синей печатью и положил передо мной с холодной улыбкой.

– Тебе и не придется подписывать. Потому что я, как генеральный директор, уже подпи- сал предварительное соглашение о намерениях.

Я смотрела на свою фамилию, выведенную его размашистым почерком, и ощущала, как земля медленно уходит из-под ног.

– Здесь есть особо интересный пункт, – продолжал он сладким, как яд, голосом. – О штрафных санкциях. В случае необоснованного отказа от заключения основного договора наша компания обязуется выплатить «МясоПрому» неустойку...

Он сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– В размере пятидесяти миллионов рублей.

Цифра взорвалась в моей голове, как граната. Пятьдесят миллионов – это была стоимость всего нашего завода, всего имущества, всей нашей жизни.

– Ты... что ты наделал? – прошептала я, едва находя голос.

– Спас нашу компанию, – твердо заявил он. – Принял волевое директорское решение, пока ты была недееспособна. Теперь пути назад нет. Либо подписываем основной контракт и выходим на новый уровень, либо становимся банкротами. Выбирай.

Передо мной стоял мой муж, мой партнер, человек, с которым я прожила четверть века. И ставил ультиматум, не оставляющий выбора. Он загнал меня в угол, приставил пистолет к виску нашего общего дела и предложил самой нажать на курок.

Ирина наблюдала за мной с откровенным, нескрываемым торжеством. Она победила. Получила все, чего хотела.

Я медленно поднялась, взяла папку с фальшивыми отчетами, взяла предварительное соглашение – эту золотую удавку.

– Мне нужно время подумать, – сказала я, и мой голос прозвучал удивительно спокойно.

Повернулась и пошла к двери, чувствуя на спине их взгляды – его самодовольный, ее триумфальный. Они были уверены в своей победе. Думали, что я пойду в кабинет, поплачу и подпишу все, что прикажут.

Они не знали одного. В момент, когда я увидела его подпись под этим предательским документом, во мне умерла не только любовь. Умер страх. Мне больше нечего было терять. А человек, которому нечего терять, становится самым опасным противником на свете.

Глава 5

Я закрыла за собой дверь кабинета, и привычное пространство обняло меня запахами бумаги, озона от старого принтера и едва уловимым ароматом мускатного ореха. Прислонилась спиной к шершавой поверхности, выкрашенной казенной краской, и позволила себе на мгновение закрыть глаза. В ушах все еще звенел его голос – насмешливый, самодовольный, голос человека, который только что поставил мат в партии, о существовании которой я даже не подозревала.

Слез не было. Это удивляло меня самую – их просто не было. То место внутри, где должны были рождаться слезы, выгорело дотла еще месяцы назад, в стерильной белизне больничной палаты. На его месте образовалась холодная пустота, в которой, словно кристалл льда в замерзшей воде, росла ярость. Не истеричная, не крикливая – тихая, сосредоточенная, та, что страшнее любого крика.

Я подошла к своему старому дубовому столу, исцарапанному временем и работой, единственному предмету мебели, который Ирина пока я отсутствовала, не заменила на модное стекло. Этот стол помнил все: бессонные ночи над разработкой рецептуры «Московской», следы сотен чашек остывшего кофе, отпечатки моих пальцев, когда я двадцать лет назад в отчаянии от очередного банковского отказа сжимала его края до боли в костяшках. Он был моим единственным молчаливым союзником в этих стенах.

На потертую столешницу я положила два документа – два орудия собственной казни. Глянцевую папку с липовым финансовым анализом и предварительное соглашение с подписью человека, которого когда-то считала мужем. Слово «муж» теперь отдавало горечью, как хина.

Сначала взялась за их «анализ». С каждой страницей, с каждой диаграммой ярость становилась все холоднее и острее. Это была работа дилетантов, рассчитанная на такого же дилетанта. Они брали реальные цифры и выворачивали их наизнанку с наглостью уличных мошенников. Сезонный спад после новогодних праздников – обычное дело для нашей отрасли – представили как катастрофическое падение спроса. Разовые затраты на новый немецкий куттер изображили систематическим ростом себестоимости.

Они жонглировали терминами, рисовали красивые графики, но я, знающая реальную рентабельность каждого батона колбасы, видела ложь насквозь. Видела не цифры – видела их презрение. Они настолько уверились в моей некомпетентности, в том, что я действительно «клуша, думающая только о колбасках», что даже не потрудились сделать подделку искуснее.

Потом взяла соглашение. Бумага плотная, дорогая, с водяными знаками – тяжелая, как надгробная плита. Читала медленно, впиваясь в каждый пункт, в каждую формулировку, отточенную армией корпоративных юристов. И чем дальше читала, тем яснее становился их план.

«Гармонизация рецептур» – фраза звучала сухо, канцелярски, но для меня была приговором. Мои рецепты, собранные по крупяцам, выверенные годами. Рецепт «Краковской» от деда, работавшего на микояновском комбинате. «Докторская» с идеальным балансом говядины и свинины, без единого грамма сои. Они хотели забрать это, унифицировать, обезличить. Превратить произведения искусства в безвкусный ширпотреб для миллионных тиражей от Калининграда до Владивостока.

«Переход на поставщиков сырья, рекомендованных Партнером». Закрыла глаза и увидела лицо дяди Коли из соседнего района, поставляющего лучшую свинину в области. Помню, как договаривались пятнадцать лет назад, сидя на завалинке у его дома, пробуя парное молоко. Он верил мне, как десятки других мелких фермеров, для которых наш завод – гарант стабильности. Хотели разорвать эти связи, посадить на иглу агрохолдингов, где мясо выращивают на антибиотиках и гормонах. Лишить не просто поставщиков – лишить корней.

«Контроль качества осуществляется специалистами Партнера» – контрольный выстрел. Их люди в моих цехах с блокнотами и камерами. Вывернут наизнанку весь производственный процесс, залезут в душу завода. Скопируют все: от температуры в коптильнях до скорости вращения ножей в куттере. Украдут опыт, секреты, жизнь. А когда узнают все – станут не нужна.

И штраф. Пятьдесят миллионов. Цифра не случайна – точная рыночная стоимость завода со всем оборудованием. Сумма рассчитана так, чтобы мы не смогли выплатить ни при каких обстоятельствах. Не страховочный механизм – орудие убийства.

Откинулась на спинку стула, посмотрела в окно. За стеклом кипела жизнь – дымили коптильни, сновали погрузчики, шли на обед рабочие. Мой мир, который собирались отнять. И тут поняла окончательно: это не просто измена, не глупость Геннадия под влиянием хищной девицы. Это спланированная операция враждебного поглощения. Роман Ирины с мужем – лишь инструмент, способ получить доступ к рычагам управления. Она не просто спала с директором – вербовала агента.

Боль личного предательства – его ложь, ее презрительное «клуша» – отошла на второй план. Не исчезла, а сплавилась с чем-то большим. С яростью хозяйки, у которой отнимают дом. С гневом матери, на глазах которой убивают ребенка.

Они думали, что я сломлена. Что, поставленная перед выбором между быстрым унижением и медленным банкротством, выберу первое. Поплачу, поистерю, подпишу.

Встала, подошла к сейфу в углу. Достала старую бухгалтерскую книгу – ту, в которой вела расчеты на заре нашего дела. Открыла чистую страницу, взяла любимую перьевую ручку и вверху написала одно слово:

«ВОЙНА».

Не знала еще, как буду воевать. У меня не было армии, не было оружия, кроме шестидесяти пяти процентов акций и знания завода до последнего винтика. Но знала одно: не подпишу договор. Не сдамся. Не позволю превратить дело жизни в безликий филиал их мясной империи.

Даже если придется сжечь все дотла. Вместе с ними и с собой.

Глава 6

Офис Анатолия Семеновича располагался на третьем этаже старого административного здания в центре города. Поднимаясь по скрипучим ступеням с облупившимися перилами, я чувствовала, как каждый шаг отдается в висках глухой болью. Голова раскалывалась от бессонной ночи, проведенной за изучением предварительного соглашения – этой элегантно оформленной петли на моей шее.

Секретарша, пожилая женщина с пронизательными глазами, окинула меня оценивающим взглядом и молча кивнула в сторону кабинета. Видимо, мой вид говорил сам за себя. Простое черное платье, минимум косметики, руки, которые я никак не могла заставить перестать дрожать. Я выглядела именно так, как должна выглядеть женщина, пришедшая к адвокату в последней надежде.

– Таня, проходи, садись, – Анатолий поднялся из-за стола, когда я вошла. Его кабинет пах кожаными переплетами, кофе и какой-то едва уловимой горечью – может быть, это был запах чужих проблем, которые он принимал на себя уже двадцать лет.

Мы знали друг друга еще со студенческих времен. Он изучал право, я пищевые технологии. Наши пути разошлись, но время от времени пересекались на деловых встречах, юбилеях общих знакомых. Анатолий всегда был серьезным парнем с аналитическим складом ума, который видел суть там, где другие видели только поверхность.

– Кофе? – предложил он, но я покачала головой. Желудок сжимался от одной мысли о еде или питье.

– Толя, у меня проблемы. Серьезные.

Он сел напротив, сплел пальцы и внимательно посмотрел на меня. В его глазах не было ни любопытства, ни сочувствия, только профессиональная готовность выслушать и проанализировать.

Я достала из сумки папку с документами. Руки все еще предательски дрожали, и листы шелестели, как осенняя листва. Сначала положила на стол тот самый счет от ООО «Вектор» тот, что заставил Геннадия взорваться дома.

– Это началось с мелочей, – сказала я. – Подозрительные счета, фиктивные фирмы. Я думала, обычные хищения.

Потом достала предварительное соглашение. Анатолий взял документ, надел очки и начал читать. Я наблюдала, как меняется выражение его лица – от спокойного профессионализма к нарастающему удивлению, а затем к плохо скрываемому возмущению.

– Пятьдесят миллионов неустойки? – переспросил он, не поднимая глаз от текста. – За отказ от заключения основного договора?

– Геннадий сказал, что это единственный способ спасти завод. Что мы на грани банкротства.

– Таня, – Анатолий снял очки и потер переносицу. – Это не спасение. Это экзекуция с отсрочкой. Видишь пункт четырнадцать? «Стороны согласились, что размер неустойки является заранее оцененными убытками и не подлежит уменьшению». Они заранее перекрыли все лазейки.

Он встал и прошелся по кабинету. Я видела, как работает его мозг, раскладывает ситуацию по полочкам, ищет слабые места.

– Но неустойка явно несоразмерна, – продолжил он. – Любой суд признает ее кабальной. Это превышение полномочий директора. Ты же мажоритарный акционер, у тебя шестьдесят пять процентов?

– Да.

– Тогда Геннадий не имел права подписывать договор, который ставит под угрозу само существование предприятия. Мы подадим иск о признании сделки недействительной по статье сто семьдесят четыре ГК – сделка, совершенная с превышением полномочий.

Впервые за несколько дней я почувствовала подобие надежды. Анатолий говорил уверенно, профессионально. Казалось, у моих проблем есть решение.

– Но, – он остановился у окна, глядя на серое октябрьское небо, – есть одна вещь, которая меня смущает.

– Какая?

– Геннадий не дурак. Он знает корпоративное право. Подписать договор с такой неустойкой, зная, что ты его легко оспоришь... Это похоже на тактику запугивания. Но чтобы быть в ней уверенным, он должен иметь какой-то козырь.

Анатолий повернулся ко мне. В его взгляде была та же пронизательность, что заставляла судей прислушиваться к его аргументам.

– Таня, подумай хорошенько. Ты уверена, что не подписывала никаких документов, которые расширяли бы его полномочия? Доверенностей, дополнительных соглашений? Может быть, когда болела?

Вопрос ударил меня, как ледяная волна. Больница. Те три месяца, когда я балансировала между жизнью и смертью, когда сознание плыло в тумане лекарств и боли.

– Я... не помню, – прошептала я. – В больнице было много документов. Страховки, согласия на лечение...

– А Геннадий приезжал?

– Да, несколько раз. Но я была в очень плохом состоянии. Температура, бред... Помню обрывками.

Анатолий сел рядом со мной, его голос стал мягче:

– Таня, это очень важно. Попытайся вспомнить. Он приносил какие-то бумаги? Просил что-то подписать? Говорил, что это формальность?

Я закрыла глаза, пытаюсь пробиться сквозь туман болезненных воспоминаний. Белые стены палаты. Запах хлорки и лекарств. Геннадий в дорогом костюме, неуместно элегантный среди больничной обстановки. Его раздраженный голос: «Тань, подпиши, это чистая формальность. Для налоговой...»

– Кажется, было что-то, – медленно сказала я. – Он говорил про налоговую. Что нужно подписать какие-то документы для отчетности. Я была в полубреду, не могла сосредоточиться...

– Черт, – Анатолий резко встал. – Таня, если он получил от тебя генеральную доверенность, пока ты была недееспособна...

– Что это означает?

– Это означает, что он может действовать от твоего имени. Подписывать любые договоры, распоряжаться имуществом. Твои шестьдесят пять процентов становятся бесполезными, если у него есть документ, дающий право голосовать ими от твоего имени.

Мир снова качнулся. Только что маячившая надежда рассыпалась в прах. Я представила себе Геннадия, склонившегося над моей больничной кроватью, вкладывающего ручку в мою ослабевшую руку. «Это формальность, Тань. Просто для документооборота...»

– Но я была больна, – сказала я слабым голосом. – Не в состоянии понимать значение документов...

– Это наш шанс, – Анатолий снова заходил по кабинету. – Если докажем, что в момент подписания ты была недееспособна, доверенность можно аннулировать. Нужна медицинская документация. История болезни, заключения врачей, список препаратов...

– У меня есть выписка.

– Недостаточно. Нужна полная история болезни. Все записи, все назначения. Надо доказать, что препараты влияли на твое сознание. Это сложно, но возможно.

Он сел за стол, достал блокнот и начал быстро писать.

– Сначала идешь в больницу, запрашиваешь полную медицинскую документацию. Это твое право как пациента. Потом нужно найти свидетелей: медсестер, санитарок, кто помнит твое состояние в те дни.

– А если доверенности нет? Если я все это выдумываю?

Анатолий посмотрел на меня серьезно:

– Таня, тогда мы легко выиграем дело по превышению полномочий. Но... – он постучал ручкой по столу. – Интуиция подсказывает, что Геннадий не стал бы так рисковать без серьезных гарантий. Нужно готовиться к худшему варианту.

Я встала, чувствуя себя старой и усталой. За одно утро мир перевернулся дважды – сначала появилась надежда, потом она исчезла, оставив еще большее отчаяние.

– Что мне делать?

– Не показывай виду, – сказал Анатолий. – Веди себя как обычно. Собирай документы тихо, не привлекая внимания. И главное – не конфронтуй с Геннадием, пока не узнаешь правду. Если у него действительно есть доверенность, преждевременный конфликт может все испортить.

Я кивнула, беря сумку. В дверях обернулась:

– Толя, а если доверенность есть и мы НЕ сможем ее оспорить?

Он долго смотрел на меня, и в его глазах я увидела то, что он не хотел говорить вслух.

– Тогда твой завод уже не твой. И война проиграна еще до того, как началась.

Выходя из здания, я чувствовала себя приговоренной. Солнце скрылось за тучами, и холодный октябрьский ветер прорезал пальто насквозь. Впереди маячила больница с ее стерильными коридорами и равнодушными лицами. Нужно было идти туда, копаться в своей боли, искать следы предательства в самые уязвимые моменты жизни.

Но другого выхода не было. Если Геннадий действительно получил доверенность, пока я была беспомощна, это было не просто предательство мужа. Это было изнасилование души, кража личности в момент наибольшей слабости.

И я должна была это выяснить. Какой бы болезненной ни была правда.

Глава 7

Три дня я провела в больничных коридорах, пытаюсь восстановить картину тех страшных месяцев. Архив медицинских документов встретил меня бюрократическим лабиринтом – заявления, справки, очереди к заварки, который смотрел на меня с плохо скрываемым раздражением. Каждый час, проведенный среди запаха хлорки и шелеста историй болезни, возвращал меня в то состояние беспомощности, которое я так старалась забыть.

Получив наконец полную выписку, я сидела в машине на больничной парковке и изучала медицинские записи. Строка за строкой восстанавливалась картина моей агонии. «Состояние крайне тяжелое», «сознание спутанное», «выраженная интоксикация». А потом, в записи от двадцать третьего числа: «Больная в ясном сознании, адекватна». Именно этот день смутно всплывал в памяти – Геннадий с папкой документов, его раздраженное «просто подпиши, это формальность».

Но медицинские записи – это одно. Совсем другое – прямой разговор с человеком, который держал в руках оружие моего уничтожения. Я понимала, что откладывать бессмысленно. Нужны были не подозрения, а точность. Не домыслы, а факты.

Домой я приехала, когда Геннадий уже был там – сидел в гостиной с бокалом виски, просматривал какие-то документы на планшете. Увидев меня, даже не поднял головы.

– Где пропадала? – спросил равнодушно.

– По делам, – ответила я, снимая пальто.

Он кивнул, продолжая читать. В его позе была расслабленная уверенность человека, который знает, что игра уже выиграна. Это меня и подтолкнуло к решительности.

– Гена, – села я напротив него. – Нам нужно поговорить. Seriously.

Он оторвался от планшета, посмотрел на меня с легким раздражением:

– Слушаю.

– Я была у юриста. Показывала ему предварительное соглашение.

Брови его дернулись – едва заметно, но я уловила.

– И что же сказал твой юрист? – в голосе появились стальные нотки.

– Сказал, что ты превысил полномочия. Что неустойка в пятьдесят миллионов кабальная и будет признана недействительной. Что как мажоритарный акционер я могу оспорить твою сделку.

Геннадий отложил планшет, откинулся в кресле. На лице его медленно расплзалась улыбка – не веселая, а хищная.

– Твой юрист, видимо, не очень опытный, – сказал он медленно. – Или не знает всех обстоятельств дела.

– Каких обстоятельств?

Он встал, прошел к бару, налил себе еще виски. Движения его были неторопливыми, театральными. Он явно наслаждался моментом.

– Таня, а ты помнишь, как лежала в больнице? – обернулся он ко мне. – Какая была слабенькая, беспомощная? Как я за тобой ухаживал, документы привозил...

– Помню смутно. Я была очень больна.

– Да, очень больна, – согласился он. – Но были дни, когда тебе становилось лучше. Когда ты была в сознании. Помнишь двадцать третье число? Я приехал с бумагами из налоговой...

Сердце мое заколотилось. Он помнил точную дату.

– Что за бумаги?

– А ты не помнишь? – улыбка стала еще шире. – Тогда освежу память.

Он подошел к письменному столу, открыл верхний ящик и достал папку. Из нее извлек документ в прозрачном файле. Даже на расстоянии я видела официальные печати, подпись – мою подпись.

– Генеральная доверенность, – сказал он, протягивая мне документ. – Выданная тобой мне двадцать третьего октября. В присутствии нотариуса, который специально приехал в больницу. Все абсолютно законно.

Я взяла файл дрожащими руками. Читала и не могла поверить. «Доверяю Ветрову Геннадию Юрьевичу управление всеми моими активами и долями в уставных капиталах, включая право подписи любых договоров от моего имени...» Моя подпись внизу – неровная, слабая, но узнаваемая.

– Это... это невозможно, – прошептала я.

– Вполне возможно. И абсолютно действительно. Нотариус Петрова Галина Ивановна засвидетельствовала твою дееспособность в момент подписания. У нее есть запись беседы, подтверждающая, что ты понимала значение документа.

Мир поплыл перед глазами. Я смотрела на документ – орудие собственного уничтожения – и не могла поверить, что сама его подписала. Но подпись была моя, печать настоящая.

– Зачем? – только и смогла выговорить.

– На случай, если с тобой что-то случится, – пожал плечами Геннадий. – Мало ли. Инсульт, кома... Кто-то должен управлять заводом. Это разумная предосторожность.

– Но я поправилась...

– Поправилась, да не совсем. Видишь, как мечешься, адвокатов нанимаешь, заводу вредишь. Может, болезнь повлияла на рассудок? Хорошо, что у меня есть доверенность – смогу защитить наше дело от твоих... эмоциональных решений.

Он говорил это спокойно, почти заботливо. Но в глазах плясали дьявольские огоньки торжества.

– Ты понимаешь, что это означает? – продолжил он. – Твой юрист может сколько угодно говорить о превышении полномочий. Но если ты попытаешься оспорить предварительное соглашение, я просто воспользуюсь доверенностью и от твоего имени подпишу основной договор с «МясоПромом». Твоими шестьюдесятью пятью процентами.

Я смотрела на него и не узнавала. Где был тот молодой инженер, в которого я когда-то влюбилась? Тот, кто держал меня за руку в трудные минуты и говорил: «Мы команда, Танька»? Где тот человек с кем я прожила столько лет, кому доверяла? Этот холодный, расчетливый человек был мне совершенно чужим.

– Значит, все это было спектаклем? – спросила я хрипло. – Твоя забота в больнице, цветы, фрукты...

– Не совсем спектаклем, – он сел обратно в кресло, сделал глоток виски. – Я действительно переживал за тебя. Но... обстоятельства изменились. Появились новые возможности. А ты... ты бы не поняла. Ты слишком консервативна, Таня. Не видишь перспектив.

– Перспектив? – голос мой срывался. – Ты называешь продажу завода перспективой?

– Не продажу. Модернизацию. Выход на новый уровень. «МясоПром» – это будущее отрасли. А мы с тобой... мы прошлое. Пора это признать.

Он встал, подошел ко мне, присел на корточки рядом с креслом. Попытался взять меня за руку, но я отдернула.

– Таня, пойми. Это не конец света. Да, завод перестанет быть семейным бизнесом. Но мы получим солидную компенсацию. Сможем путешествовать, жить без стресса...

– А люди? Петрович, которого ты выгнал? Анна Степановна? Все те, кто вкладывал душу в наше дело?

– Люди найдут другую работу. Не цепляйся за прошлое. Мир меняется.

Я смотрела на него – на этого чужого человека в лице моего мужа – и чувствовала, как во мне поднимается не гнев, не отчаяние, а что-то холодное и острое. Ясность.

– Понятно, – сказала я, поднимаясь. – Теперь все понятно.

– Надеюсь, ты будешь разумной, – он тоже встал. – Не будешь бороться с неизбежным.

– Посмотрим, – ответила я, направляясь к выходу из гостиной.

– Таня! – окликнул он меня. – Доверенность заверена нотариально. Любой суд признает ее действительность. Ты не сможешь ее оспорить.

Я остановилась в дверях, не оборачиваясь:

– Посмотрим, – повторила.

В спальне, заперев дверь на ключ, я достала телефон и набрала номер Анатолия.

– Толя, – сказала я, когда он ответил. – Ты был прав. Доверенность есть.

Тишина на том конце.

– Генеральная? – наконец спросил он.

– Да. От двадцать третьего октября. Нотариально заверенная.

– Черт. Таня, приезжай завтра с утра. Нам нужно срочно менять стратегию.

– А есть ли у нас шансы?

Пауза была долгой.

– Есть, – наконец сказал Анатолий. – Небольшие, но есть. Если докажем, что ты была невменяема в момент подписания. Нужно будет поднять всю медицинскую документацию, найти свидетелей...

– Сделаем.

– Таня, это будет жестокая битва. Они не остановятся ни перед чем. Готова?

Я посмотрела в зеркало. Женщина сорока восьми лет с усталыми глазами и сжатыми губами смотрела в ответ. Но в этих глазах горел огонь, которого не было уже давно.

– Готова, – сказала я. – Пусть только попробуют.

Повесив трубку, я долго сидела на кровати. Геннадий считал, что поставил мат. Что загнал меня в угол, из которого нет выхода. Он использовал мою болезнь, мою слабость против меня. Получил доверенность, когда я едва приходила в сознание, и теперь размахивал ею как знаменем победы.

Но он ошибался в одном. Женщина, которая лежала в больнице три месяца назад, и женщина, которая сидела сейчас в спальне, – это были разные люди. Болезнь не сломала меня. Она закалила. Предательство не уничтожило – оно освободило от иллюзий.

Да, у него была доверенность. Но у меня было то, чего у него никогда не было и не будет. Правда. И готовность бороться за нее до конца.

Глава 8

Утро встретило меня серым октябрьским небом и пронзительным ветром, который, казалось, продувал насквозь не только пальто, но и душу. Всю ночь я не сомкнула глаз, прокручивая в голове вчерашний разговор с Геннадием. Его самодовольная улыбка, небрежность, с которой он помахал доверенностью – все это жгло изнутри едкой смесью стыда и ярости. Стыда за то, что позволила себя так подло обмануть, и ярости за то, что он использовал мою беспомощность как оружие против меня.

В офис Анатолия я приехала к девяти утра, но он уже был на месте. Судя по пустым стаканам из-под кофе и исписанным листам на столе, работал он всю ночь.

– Присаживайся, – кивнул он, не отрываясь от документов. – Я изучал судебную практику по оспариванию действий по доверенности.

Я села, положив на стол медицинскую выписку, которую получила вчера. Анатолий взял ее, надел очки и углубился в чтение. Время от времени он что-то подчеркивал красной ручкой, хмурил брови.

– Хорошо, – наконец сказал он, отложив документы. – У нас есть зацепки. Смотри: двадцать третьего октября ты получала препараты, которые могут вызывать спутанность сознания. В записи указано: «состояние улучшается, но сохраняется слабость, периодическая дезориентация».

– Но врач написал, что я была в ясном сознании.

– Это стандартная формулировка. Врачи пишут так, если пациент может отвечать на простые вопросы. Но юридическая дееспособность – совсем другой уровень. Понимать последствия генеральной доверенности – это гораздо сложнее, чем назвать свое имя и дату.

Анатолий встал, подошел к окну. За стеклом проплывали редкие прохожие, торопящиеся от холода.

– Наша стратегия будет следующей, – продолжил он, не оборачиваясь. – Подаем в суд иск о признании доверенности недействительной. Основание – порок воли. Ты не могла в полной мере понимать значение и последствия подписываемого документа из-за болезни и медикаментозного воздействия.

– А что с нотариусом? Геннадий сказал, что у нее есть запись разговора.

– Посмотрим на эту запись. Нотариус обязан убедиться в дееспособности, но они часто работают формально. Если разговор длился пять минут и состоял из стандартных вопросов – у нас есть шансы доказать недостаточность проверки.

Он вернулся к столу, достал чистый лист бумаги.

– Нам понадобятся свидетели. Медицинский персонал, который помнит твоё состояние в те дни. Врачи, медсестры, санитарки. Чем больше людей подтвердят, что ты была в неадекватном состоянии, тем лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.